

Алексей МАСАЛОВ

МОРФОЛОГИЯ СТРАШНОЙ СКАЗКИ

Катя Сим. Общество защиты химер: Первая книга стихов. – М.: Книжное обозрение; АРГО-РИСК, 2021. – 48 с. – (Серия «Поколение», вып. 58).

В последнее время наблюдается некоторое «второе дыхание» русскоязычной нарративной поэзии. Это и завершённый «Московский цикл» Линор Горалик, и новые книги основных акторов «нового эпоса» («27 вымышленных поэтов в переводах автора» и «Сева не зомби» Арсения Ровинского и «Беспорядок в саванне» Федора Сваровского), и абсурдистские циклы Георгия Генниса, и недавние книги Елены Михайлик («Экспедиция» и «Рыба сказала “да”»), и деформация эпических реальностей в «Пограничных нарративах» Павла Жагуна, и фрагментированное катастрофой повествование Евгения Ивачевского в книге «Эти прозрачные колокольчики». Представляется, что в начале 2020-х нарратив и его различные пересборки становятся одним из наиболее продуктивных способов говорения о мире, разрываемом путинской внешней и внутренней политикой и агрессией в социальных сетях.

Так и младшее поэтическое поколение, наблюдающее руины после «сытых нулевых» и закручивания гаек в 10-е, зачастую обращается к осколкам нарратива надежды на перемены в политическом и культурном пространстве, когда любая активность демотивируется усилившимся обоюдоострым давлением: внешним – репрессивных институтов власти и внутренним – активизацией «пацанской» идеологии и культурных мифов.

В этом ключе «Общество защиты химер», дебютная книга самарской поэтессы Кати Сим, собирающей свою речь из региональных контекстов, обломков сказочного фольклора и массовой культуры, мультипликационных образов и маркеров политической обстановки, показывает иной способ создания нарративных структур, скрепляемых как особым поэтическим воображением, так и особым отношением к социальному:

Мама ругает Крошку Енота:
Почему не спросил у Того про оппозицию,
Про действительно актуальные темы –
Например, граффити
На дверях лесного товарищества
Или как
На водной глади видеть не осточертевшую рожу,
А песок и мальков;
Нужно уметь задавать
Правильные вопросы.

Анна Родионова указывает на «разные масштабы воображения»¹ в стихах Кати Сим, что обуславливает специфику фокусировки и связности деталей в циклах этой книги. Внутри них может быть и превращение в «салат», и гонки на «детских БМД», и любовь к похоронам, и «колеи колес», и «мэр Самары», и «лампа, торшер, светильник, это ведь разные имена». Конечно, такая «несоизмеримость масштабов»² воображения делает это письмо на вид шероховатым, небрежным, неровным, но и нарочито отказывающимся от гладкости эстетского подхода.

¹ Родионова А. [Предисловие] // Сим К. Остановка в месте, интересном мышами // Грёза: <https://greza.space/ostanovka-v-meste/>

² Там же.

(Ведут принцессу-снегурочку
Ведут и помнят серебряное копытце)

(Кто приходил ночью?
Мужчины и женщины
Половые аномалии
И, может быть, засохшая сосна.)

В процитированном фрагменте сбой реальности и телесности происходят в манере страшной сказки без счастливого финала. При этом подобная сюрреализму Антонена Арто образность, выворачивающая объекты, детали и субъектности, – не вполне сюрреализм, так как здесь нет наслаждения языковой игрой и необычными сочетаниями. Ведь когнитивная основа страшных сказок Кати Сим – это дважды рунированный эпос, с одной стороны – исторически сказочный фольклор возникает на десакрализации героического мифа³, с другой – наработки нарративной поэзии 00-х (особенно – маргинальной баллады Андрея Родионова) в ее текстах пересобираются через «травматографию логоса»⁴ Евгении Суловой, при которой рунированный язык оказывается еще и «языком иной оптической природы»⁵.

Эту оптическую природу Виталий Лехциер в сопроводительном письме на премию Аркадия Драгомощенко (2019) связывает с «гибридной онтологией», в которой возникает некая «тревога вынужденного конфликтного двоемирия, столкновения и взаимопроникновения миров – политического (повседневного) и воображаемого (фантастического)»⁶. В этой специфической онтологической оптике можно увидеть диалог как с вышеупомянутой Евгенией Суловой, так и с самарской непрозрачной поэзией Александра Уланова и Галины Ермошиной, а также с болезненными онтологиями Сергея Щёлокова, в текстах которого «болезни, лесные пожары, шаткие болота и гулкая тишина способны поглотить всё, что имеет отношение к человеческой жизни и цивилизации»⁷, что обеспечивает особое отношение к стереотипному и героизированному.

Десакрализация героических моделей и культурных мифов организует политическую модальность поэзии Кати Сим, уклоняющуюся от любой тотальности и бинарных гендерных ролей:

О треугольник о полукруг
Это песня мужских ягодиц
Я зашиваю ласточкин дом:

Где-то мужская родовая дыра
Чистотел я обернулся красивым вороном
Как хотел

Важно, что социальные импликации в поэзии Кати Сим не лишены иронии. Так и здесь фрагментация повествования сталкивает объективированную «песню мужских ягодиц», «мужскую родовую дыру», отвечая смехом на ужасы капиталистической реальности, которые являются некоей тематической основой страшных сказок этой книги.

³ См. Мелетинский Е. М. Миф и сказка // Ruthenia: <https://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky11.htm>

⁴ Вайзер Т. Травматография логоса: язык травмы и деформация языка в постсоветской поэзии // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 (125).

⁵ Сулова Е. Искажение сложностью // Новое литературное обозрение. 2015. № 2 (132).

⁶ Лехциер В. Сопроводительное письмо // Сим К. Так я ушел из строителей // Премия Аркадия Драгомощенко: <https://atd-premia.ru/2019/07/30/katya-sim-2019/>

⁷ Ларионов Д. Предложный падеж // Сергей Щёлоков // Новая карта русской литературы: <http://www.litkarta.ru/russia/samara/persons/shcholyokov-s/>

И в этом столкновении иронии и теплоты к маленьким вещам с кошмаром патриархальных порядков видится феминистская интенция стихов Кати Сим, когда в том числе и семейный дискурс изображается как элемент концептуальной сети биовласти и угнетения:

Член отца – это метафора насилия.
Возможно, над матерью. Возможно, над получившимся.
Он сам, осознавая своё первородное насилие,
Закрывает себя одеждой,
Закрывает одеждой других,
Стремится спрятать все проводники в цепочке.
Взрослая дочь прильнула к отцовскому члену,
Думая: я плыла сквозь него, в лодке, через вязкий туман, в переходное место
Между недостаточностью этого текста и дорожкой волос на мамином животe.

Таким образом, столкновение химер, кошмаров, снегурочек в ее текстах обнажают и болевые точки общества («Чужое / Горит всегда быстро и правильно / На старых стенах ДК детского творчества»), и травматическое взросление субъекта в биополитической обстановке путинской автократии («Отстранение голоса жены из благополучной семьи / ... // Придут двое сноходцев / Мужчина и женщина из центра “э”»).

Однако именно химеры, неправильные и травмированные существа и их способность смеяться над машинами насилия, даже когда очень страшно, и складывают субъективацию в этих текстах через метаморфозы перманентного сопротивления не только мэрам, «Беломорканалу и клоаке» и «городу в змеях», но и, в первую очередь, Дракону у нас в голове, биовласти и героическим моделям, культурным мифам и бинарной гендерной системе:

Город в змеях. У Него гнездо лиц.
Я позвонил по кроссовке, скоро придёт автобус.

Да так было всегда говорил мне прозрачный лис
Да так будет пока в этом городе негде облегчиться

В этом плане руинированный нарратив «Общества защиты химер» с его сбоями в повествовании, разными масштабами фокусировки и метаморфозами явлений, объектов, персонажей становится способом как обновления самарской онтологической поэтики, так и формирования иного способа политизации поэзии, возвращая ей возможность «через цезуру, остранение, саморефлексию, фрагментарность, дробление нарратива <...> обнаружить асемантические зазоры, складки смысла, еще не захваченные идеологией»⁸.

---

⁸ Скидан А. Тезисы к политизации искусства // TextOnly. 2004. №12.